

© Э.-Б.М. Гучинова

## С КРАСНОЙ КИСТЬЮ И ЖЕЛТЫМ ГАЛСТУКОМ: О СПЕЦИФИКЕ КАЛМЫЦКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

*Ключевые слова:* буддизм, паломничество, традиционализм, Далай-лама, Калмыкия, постсекулярная Россия, маршруты, чудеса

В статье на полевом материале показана специфика современной организации паломничества в Калмыкии, которая определяется местной конфессиональной ситуацией: деятельностью сангхи хурула “Золотая обитель Будды Шакьямуни” и лично Шаджин-ламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. Автор исследует такой аспект феномена паломничества, как маршруты, отражающие не только политическую географию современного буддийского мира, но и изменения в перемещениях Далай-ламы, которые связаны с его дислокацией, изгнанием и мобильным характером подачи учения, даруемого людям. Автор выделяет переживание “чудесного”, которое подчеркивает конфессиональный характер этих массовых поездок и является одним из маркеров веры, поскольку на учения Далай-ламы едут и верующие люди, и те, кто только интересуется буддизмом.

В этой статье я хочу поставить вопрос о месте паломничества в современной религиозной жизни калмыцкого общества, о специфике этого феномена и о сложном сочетании глобального и регионального в нем.

**Этноконфессиональный контекст.** После восстановления автономии в 1956 г. Калмыкия долгое время была республикой, в которой не осталось ни одного буддийского храма, даже в виде музея. Для буддистов Калмыкии постсоветские перемены дали начало новой эпохе — постсекулярной. Открытие в 1989 г. молельного дома в Элисте означало легализацию религиозных практик после многих десятилетий полуподпольных служб в частных пространствах. Сразу были приглашены священники из Бурятии и Тувы, получившие образование в советские годы (многие были семейными), и тогда же были отправлены на учебу в Индию дети, желающие стать монахами (художниками буддийского канона, врачами тибетской медицины, священниками).

Приезды Далай-ламы XIV в Элисту в 1991 и 1993 гг., выбор им места для закладки храма и совместные молебны с тысячами мирян, как и возможность прямого общения с Учителем, не только вернули калмыков в буддийскую ойкумену, но и показали доступность буддийских практик, при осознанном интересе к вере, любому жителю республики.

Однако возвращение религии в народные массы проявляется не в восстановлении религиозных практик первой трети XX в, а в выработке новых форм религиозной жизни, которая теперь становится “делом личным и необязательным, перемещаясь

---

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова | <https://orcid.org/0000-0002-9901-0131> | [bairjan@mail.ru](mailto:bairjan@mail.ru) | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Калмыцкий научный центр РАН (ул. И.К. Илишкина 8, Элиста, 358000, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 19-09-00420]

в сферу досуга” (Кормина 2019: 24). В настоящей статье я описываю и осмысливаю особенности современной организации паломничества в Калмыкии, рассматривая такой его аспект, как маршруты, отражающие не только номадическую природу этого феномена, но и политически вынужденные поездки Далай-ламы, и мобильный характер подачи учения, которое Учитель дарует верующим. Наконец, я особо выделяю переживание “чудесного”, подчеркивающее профессиональный характер этих массовых поездок.

В поездке в Дхарамсалу я смогла оставаться исследователем, не увлекаясь заманчивой перспективой совершенствования личного пути и возможности лучшей реинкарнации. Не скрывая своей профессии от окружающих и открыто заполняя поле-дневник, я вела себя так же, как и другие паломники, совершала простирания и молитвы в нужных местах. Но когда выпадала возможность, я задавала вопросы, договаривалась о будущих встречах в Элисте и записывала интервью с теми, с кем в рутинной жизни Калмыкии увидеться сложно.

Паломничество, особенно организованное, как институт общественно-религиозной жизни отражает новые формы религиозности – относительно свободные, связанные с досугом, допускающие компромиссы и сомнения. О такой адаптации религиозной жизни к потребностям и привычкам современного человека на примере православных номадических практик писали антропологи религии Ж. Кормина (см.: Кормина 2019) и Д. Эрвье-Леже. Последний отмечает: «Складывается религиозность “паломнического” типа – сознательная, индивидуальная и мобильная; слабо или совсем не зависимая от норм; легко модифицируемая; внешняя по отношению к рутине повседневной жизни индивида» (Эрвье-Леже 2015: 263).

В то же время, если православные ценности в России могут служить удобным основанием политическому режиму для создания общегражданской российской идентичности, то буддийские ценности символизируют калмыцкое самосознание (отличают этническую группу “калмыки”) в понимании титульного населения республики Калмыкия (далее – РК). Приобщиться к “желтой вере”<sup>1</sup> дедов сейчас проще, чем, например, выучить калмыцкий язык или старое калмыцкое письмо, учитывая то, что сфера их применения довольно узка. Традиционализм (подразумевающий, что для сохранения и развития социальной группы необходимо утверждение ее традиционного жизненного уклада, что современный культурный человек должен с уважением относиться к народным традициям, особенно к духовным практикам, и применять их в своей жизни) характерен для постсоветской России в целом, но особенно почитаем в национальных республиках титульными народами (см.: Штырков 2015). После длительной эпохи воинствующего атеизма освоение этой сферы, связанной с непрерывной нравственной работой и интеллектуальным постижением, не каждому по плечу.

В свой первый приезд в Калмыкию в 1991 г. Далай-лама взял с собой Тэло Тулку Ринпоче, которому в то время было 19 лет. Родившийся в Филадельфии в семье калмыцких эмигрантов первой волны Эрдни Омбадыков был признан перерождением Дилова-хутухты<sup>2</sup>. Долгая жизнь в буддийском монастыре Дрепунг Гоманг, близость к высокореализованным учителям (*highly realized masters*) способствовали тому, что после избрания Шаджин-ламой Калмыкии (Верховным ламой) Тэло Тулку Ринпоче представляет интересы Далай-ламы и верующих людей в СНГ и Монголии, сохраняя независимость от светских властей, показывая высокий уровень духовных и управленческих компетенций. В 1991 г. Далай-лама выбрал и освятил место для строительства хурула в Калмыкии<sup>3</sup>. Хурул “Сякусн Сюме” – первый буддийский храм постсоветского времени – был построен в 1997 г. в строгих традициях тибетской архитектуры. Возведенный недалеко от Элисты, из города он виден не был, рейсовые автобусы ходили туда не так часто, как хотелось бы столичным жителям. Удаленность “Сякусн Сюме” приводила к тому, что он был практически выключен из жизни города.

В связи с этим возникла необходимость возведения нового храма в центре Элисты. Построенный в 2005 г. храм “Золотая обитель Будды Шакьямуни” стал самым значимым религиозным объектом Калмыкии и позиционируется как крупнейший в Европе буддийский комплекс. Золоченый храм на вершине искусственно созданного холма свидетельствует о наличии сакрального пространства в самом сердце Элисты (Рис. 1).



Рис. 1. Хурул “Золотая обитель Будды Шакьямуни”. Элиста, 2019 г. (фото из архива автора)

Понимая роль, которую может сыграть сангха<sup>4</sup> в духовной жизни жителей РК и удовлетворении их духовных запросов, администрация хурула стала расширять свои функции: в храме формируется культурный центр, ориентированный не только на духовные практики, но и на просвещение и пропаганду буддийской культуры, создан музей буддизма, работают библиотека и центр традиционной медицины (*Бакаева, Жуковская* 2010: 505). Сюда регулярно приезжают высокочтимые учителя с лекциями о буддизме, проводятся ритуалы создания песочной мандалы. Здесь проходят самые разные мероприятия — от научных конференций до этно-рок-фестивалей (в т.ч. с участием Бориса Гребенщикова), заседаний киноклуба “Дхарма без границ” и др.

Храм стал символом столицы Калмыкии. Так, на рекламном плакате маршрута Элиста–Москва изображен автобус на фоне “Золотой обители” и московского Кремля. Храм полюбился элистинцам, его стали называть Центральным хурулом, подчеркивая его значимость. Такое отношение сформировалось не только в силу высокого статуса храма или величия архитектурного замысла (арх. С. Курнеев), но — прежде всего — благодаря подлинному уважению к его сангхе. Монахи общины всегда искренне доброжелательны и очень многое делают для прихожан. В то время как республиканские власти не уделяют достаточно внимания удовлетворению потребностей населения в изучении родного языка и культуры, в Центральном хуруле организованы бесплатные курсы старой калмыцкой письменности Тодо бичиг (Ясное письмо), курсы калмыцкого языка, обучение игре на калмыцкой домбре, лекции по истории народа; ведут прием врачи тибетской медицины, реализуются благотворительные программы для малоимущих.

Среди разных видов деятельности сангхи хурула “Золотая обитель Будды Шакьямуни” важное место занимает организация паломнических поездок. Они стали особенно необходимы верующим республики, после того как МИД РФ перестал выдавать въездные визы Его Святейшеству Далай-ламе из-за нот протеста КНР.

**Организация паломнических поездок.** С 2009 г. Далай-лама стал даровать специальные учения российским буддистам: зимой – в Индии (обычно в новогодние каникулы) и весной-летом – в Риге (обычно в майские праздничные и выходные дни). Латвия была выбрана в связи с тем, что она граничит с Россией, а Латвийское правительство не боится испортить отношения с КНР, выдавая визу Далай-ламе. Формат специальных учений для россиян предполагает синхронный перевод всех лекций на русский язык, молитвы на калмыцком, бурятском и тувинском языках, а также аудиенции для представителей этих республик и групп ученых из России и СНГ. Все паломники, оформлявшиеся через Центральный хурул – среди них были и русские, и буряты, и тувинцы, – получали треугольный желтый шелковый галстук, который по-пионерски завязывали на шею. Благодаря галстуку паломники могли в незнакомых местах опознавать друга друга и помогать при необходимости (Рис. 2). Желтый галстук стал одновременно символом “желтой веры” предков и современного организованного паломничества калмыков. Он дополнялся четками и красными шнурками на шею или запястье, а также смартфоном, чтобы быть на связи в группе в вайбере, в которой быстро распространялись объявления об изменении в расписании, фотографии или различные новости.

Для многих сельских жителей оформить зарубежную визу совсем непросто, и сотрудники Центрального хурула помогают им в этом: принимают фотографии, деньги, заполняют анкеты, страховки, отвозят паспорта в посольства. По договоренности с консульством Латвии его сотрудники сами приезжают в Элисту для



Рис. 2. Калмыцкая паломница в Индии, 2019 г. (фото из архива автора)

оформления въездных виз за счет хурула. В 2017 г. за два дня работы в столице Калмыкии они оформили визы почти 400 жителям республики – рекорд для латышского консульства. Кроме оформления документов сотрудники хурула организуют недорогой проезд автобусами из Элисты в аэропорт Шереметьево (20 часов в дороге) или в Ригу (36 часов), бронируют бюджетное жилье в Риге, покупают авиабилеты в Дели, организуют трансфер в Дхарамсалу (12 часов) и бронируют там отели.

Во время тех учений, которые дарует Далай-лама (они начинаются рано утром и заканчиваются в полдень), для паломников из РК калмыцкие монахи проводят специальные семинары по основам буддизма, приезжающие на учения высокорезализованные ламы читают лекции. На таких занятиях свободных мест не бывает. Программа паломничества в мае 2019 г. включала посещение тантрического монастыря Гьото (Gyto), монастыря в летней резиденции Далай-ламы Норбулинка, исторических пещер у оз. Цо Пема с выполнением ритуала Цог<sup>5</sup>. На учениях в Дхарамсале в 2019 г. почти каждый день вел занятия по основам буддизма ген Санал Мукубенов, заканчивающий свое образование в Индии (Рис. 3).



**Рис. 3.** Ген Санал Мукубенов ведет семинар по основам буддизма для калмыцких паломников. Дхарамсала, 2019 г. (фото из архива автора)

Язык общения в группе – русский, иногда можно услышать калмыцкую или английскую речь, но все тибетские монахи, давно живущие в Калмыкии, такие как ген Ладой, достаточно свободно говорят по-русски.

**Кто же едет в паломнические поездки сегодня?** Среди современных паломников Калмыкии явно выделяется несколько групп: глубоко верующие люди, осознанно принявшие Прибежище (классические паломники); люди, для кого такая поездка – это пробный паломнический опыт, который может стать, а может и нет прологом к новому образу жизни, насыщенному верой; между этими “крайними” позициями можно выделить несколько промежуточных групп, отличающихся степенью погружения в буддистские практики. Регулярно на учения приезжает группа паломников из России славянского происхождения. Относятся к таким буддистам элистинцы с уважением, ведь “калмыки воспринимают буддизм через традицию,

а русские — интеллектуально, они приходят в буддизм через изучение, это думающие люди” (ПМА 1, тетрадь 1).

Есть различия, определяемые возрастом. Например, пожилые люди без высшего образования, как правило, не пытаются вникать в суть буддийской философии, но знают молитвы, понимают, как вести себя в храме, считают правильным традиционное поведение. (Самой возрастной паломницей в 2019 г. в Дхарамсале на учениях для россиян была элистинка Н.А. Лиджиева, которая в свои 85 лет делала кора вокруг резиденции Далай-ламы.) Для таких паломников учения — шанс увидеть Его Святейшество и получить его благословение для себя и своей семьи. Они по возможности выстраиваются с хадаками<sup>6</sup>, поджидая Далай-ламу до завтрака и после него, а если остановились в той же гостинице — у всех входов и выходов. Собственно учения и толкования лекций Далай-ламой, комментарии к лекциям его советника по науке или, к примеру, лекции профессора Колумбийского университета Роберта Турмана их мало интересуют. Они стараются носить традиционные, часто нарядные (сценические) одежды. Вместе с обильно декорированным традиционным платьем они продолжают “носить” мировоззрение своих родителей, для которых главным было именно почитание монахов и учителей, “которые сами все знают”.

Одна группа таких бабушек регулярно ездила в Индию вместе с паломниками, но с другой целью: чтобы неделю побаловать маленьких калмыцких мальчиков, отправленных в шесть лет учиться на 15-20 лет в монастырь, домашней едой, перестирать одежду и окружить их своей любовью. Это была форма служения будущим монахам, которая своим номадическим форматом совпадала с паломничеством. О встрече в Бодхгае на учениях Калачакры с такой возрастной паломницей, синьцзянской калмычкой, живущей в последние годы в Элисте, но регулярно ездившей на учения Его Святейшества, рассказывает в своем уникальном травелоге Елена Ользеева:

Ты мне вот что скажи: что говорил Далай-лама эти четырнадцать дней? Я сидела, слушала его, но ничего не понимала. Здесь только ты мне что-то объяснила. Расскажи мне, у нас еще есть время.

Я задумалась. Как можно пересказать содержание учения, которое давалось 14 дней по восемь часов. Тогда я вспомнила слова Далай-ламы в последний день учений. Говорю ей: Далай-лама дал нам очень многое и о пустоте, и о том, что такое “я”, объяснил многие другие буддийские истины. Но самое главное — он вложил в наши головы зерно знаний. А как это зерно будет расти — зависит от нас... Пангажав воскликнула: нег угяр келсн юмн! (сказано одним словом!)

— Это не я, это Далай-лама сказал.

— Как прекрасно сказано! Я все поняла! Я не зря ездила! Я все поняла! (*Дишлерин Окн* 2015: 84–85).

Актив организованной группы паломников — принявшие Прибежище. Они ездят на учения регулярно и часто после завершения остаются в Индии еще на 2-3 месяца, чтобы выполнить необходимые им практики в святых местах. Это свои люди в Центральном хуруле, но они бывают и в других храмах республики и делают подношения. Почти все принявшие Прибежище читают литературу по философии буддизма, не пропускают лекции приезжающих учителей, помогают хурулам материально и своим трудом. В последние годы “продвинутые” верующие стараются ездить на учения своей небольшой группой, чтобы иметь возможность практиковать углубленные ритуалы.

Мы поедем на учения, потом мы еще четыре года подряд делали нёндра. Это предварительные практики для того, чтобы стать буддистами<sup>7</sup>. Нужно 100 тыс. раз начитать мантру Прибежище, на это уходит месяца три. На следующий год мы начитывали Ваджрасаттву, это 100-слоговая мантра, она очень трудная. Потом 100 тыс.

простираций нужно сделать. Еще практику мандала, подношение мандале. На каждую практику уходило в среднем по три месяца. Мы уезжали в Индию на три месяца, и потом, когда мы заканчивали эти практики, мы себя как бы награждали поездкой в Таиланд, в Шри-Ланку (ПМА 2: Э.Б.).

Все больше среди паломников молодых людей, которые не стремятся следовать постсоветскому образу мыслей поколения “отцов” с их зависимостью от материального (ипотека, потребительские кредиты и т.д.) и едут в Индию в поисках духовных открытий. Гораздо больше ритуалов их интересуют философские аспекты буддизма. В поездке в Дхарамсалу в 2019 г. самыми молодыми паломниками были 17-летние москвич Артем Смелъницкий и элистеинец Иниг Дорджи-Горяев.

Паломники постарше, выросшие в советском обществе с его ценностями общественной активности (см.: *Кормина, Штырков* 2015), находят приложение своим силам, участвуя в волонтерской деятельности общины хурула. Многие паломники стремятся подчеркнуть свою этничность и берут на учения калмыцкие одежды, стремясь маркировать их если не полным национальным костюмом, то хотя бы футболкой с калмыцким текстом или буддистским логотипом, головным убором с красной кистью, символизирующей самоназвание “краснокистные калмыки” (“улан залата хальмгуд”).

Началось все с 2009 г... Мы тогда были молодые. Вера была однозначно. Но был экстрим... И мы, когда приезжали, рассказывали в первую очередь про святые места. Но потом рассказывали о том, насколько это сложно в такой стране, как Индия, передвигаться в поездах, автобусах. В то время не было в Индии такой инфраструктуры, как сейчас, небо и земля – то, что сейчас в Индии... Тогда не было ни дорог, ни кафе, очень было сложно. И вот с 2009 г. стали выезжать группы, количество начало расти. 140, 300, 400 человек. Максимально мы выезжали 400 человек, она называлась калмыцкая, но туда входили также представители и других регионов России. На сегодняшний момент 1200 из России... Желающих очень много, все время новые люди появляются. Сейчас рост, наверное, “новичков” 60 % и 40 % “стареньких” буддистов (ПМА 1: Х.Э.).

Ж. Кормина отмечала, что у тех православных номадов, с которыми она бывала в поездках, она видела мерцающую религиозность и не заметила агентности, под которой Саба Махмуд понимает самосовершенствование, предполагающее дисциплинирование себя, стремление к качественному изменению себя, которые она наблюдала у молодых мусульманок Каира (*Кормина* 2019: 102). Как раз для паломников-буддистов характерны это желание самосовершенствования и стремление к состраданию, что, вкуче с самоконтролем мыслей, поступков и слов, делает общение в группе очень комфортным. Вполне вероятно, что для части калмыцких (недо)паломников тезис о мерцающем паломничестве верен, но атмосфера в группе и в Дхарамсале стимулирует стремиться к работе над собой.

Есть еще одна характеристика, которая выделяет паломничество к Далай-ламе. Если для многих православных путешествие к святым местам – это время отдыха от любых статусов, кроме паломнического (*Кормина* 2019), то на учениях Его Святейшества очевидны различия между рядовыми и VIP-паломниками. Последние – это спонсоры или лица, принявшие особо активную роль в организации поездок, они сидят близко к Далай-ламе и имеют возможность прикоснуться к нему во время приветствия.

**Маршруты паломничества.** В классическом паломничестве калмыков самым престижным было путешествие в Лхасу к главному храму Лхасы Зуу – к Большому Будде, поэтому и само паломничество называлось “зуульчлгн”. Далекий для XVIII в. путь от нижней Волги в Тибет был полон неопределенностей и опасностей, позволявших проявить силу духа и силу веры. После оккупации Тибета КНР попасть туда

стало значительно сложнее, и изменение паломнических маршрутов напрямую связано с политической географией, о чем писали Э. Тернер и В. Тернер (*Turner E., Turner V.* 1978). Небольшие группы и сейчас стараются попасть в Тибет (из Индии), достигают Лхасы и священной горы буддистов Кайлас. Следуя этим маршрутом, паломники делают вид, что они простые туристы, и не произносят вслух имя Далай-ламы (*Дилеврин Окн* 2015: 31). Однако более всего паломников Калмыкии привлекает возможность своими глазами увидеть Далай-ламу XIV и, возможно, получить его благословение. Если учения проходят в Индии, то они сопровождаются паломнической поездкой (до или после учений).

С 2009 г. по поручению Шаджин-ламы Центральный хурул начал заниматься организацией поездок. Цели остались те же: во-первых, учения Его Святейшества, во-вторых, паломничество и знакомство с культурой. “У нас самые первые группы были пять человек, затем десять человек, двадцать. В эти годы, до 2007 г., мы ездили с ламами, нас сопровождали монахи Дрепунг Гоманга, мы договаривались, звонили в Гоманг. Наши калмыцкие ламы, которые там обучались, нам помогали, поэтому у нас всегда был проводник в лице монаха” (ПМА 1: Х.Э.).

Либерализация общественной жизни способствовала развитию буддизма в Калмыкии, а экономическая ситуация 2000-х годов давала возможность даже пенсионерам без особого финансового напряжения поехать в паломническую поездку в Индию или Бурятию.

В моем понимании, когда есть святые места, которые связаны с Буддой, дхармой, учением, знаковые места, которые входят в желаемое для посещения или рекомендуется для посещения, и ты по этому пути двигаешься — это паломничество. Когда ты не едешь на Черное море или Средиземное море, а двигаешься по маршруту, пытаешься испытать те же чувства, которые испытал тот, за кем ты следуешь. К примеру, приезжаешь в Бодхгаю, ты смотришь, где Будда достиг просветления. Есть какие-то места, которые связаны с учением, со святыми нашими. Когда ты там двигаешься, сверяешь ощущения свои, когда на гору коршунов поднимались, когда в Кушинагар приехали или в Лумбини. Я помню, по Лумбини идешь — здесь же родственники Будды ходят, кровные причем. Толя спрашивает чистильщика обуви: “Как тебя зовут?” Он называется, а так брата Будды звали. И там кругом так, ощущение такое, осторожно двигаться... (ПМА 2: В.Б.).

Я же операцию на глаза сделала, чтобы Далай-ламу увидеть хорошо. А то в Риге я его видела плохо, но знала, что еще поеду. Теперь увидела его хорошо (ПМА 1, тетрадь 1).

Индия как родина буддизма и новое место резиденции Далай-ламы XIV остается священным местом в сознании калмыков и паломническим маршрутом номер один.

Мне лично все равно, какое учение будут давать. Я еду на Далай-ламу, к нему. Поблизости, сколько мне позволят быть дней. Какую бы он тему ни давал, она любому полезна, для нас хороша (ПМА 2: Э.Б.).

Ринпоче нам сам говорит, что Его Святейшество сейчас находится в таком возрасте, когда надо ездить, если есть возможность. Что это заслуга — увидеть его. Что может быть возможностью такой не будет, что он может перестать выходить на “всеобщее обозрение”. Что такое время может настать и, если у кого есть возможность, езжайте. Но при этом у Вас должна быть мотивация. Вот мы и находим себе мотивацию и едем туда (ПМА 2: Д.М.).

В Индии много святых мест. Например, место, где родился Будда, где он достиг просветления под деревом Бодхи. Но я для себя определился: когда я бываю в “Далай-лама Темпл”, я просто сижу там в одиночестве, чтобы никого не было рядом. И мне этого заряда хватает на год. Там я отдыхаю душой (ПМА 2: Д.М.).



Увидеть и услышать Далай-ламу, поймать его взгляд, коснуться его одежды, сфотографироваться с ним... А если повезет, и он прикоснется к тебе — это самое большое благословение, о котором мечтает и которое помнит всю жизнь паломник (Рис. 4). Цель любого паломника — получение того самого личного опыта, который уникален и не поддается сравнению (Кормина 2019: 100). И здесь дело не только в статусе, но и в харизме Далай-ламы. Его Святейшество наряду с самыми разными компетенциями всегда проявляет естественность и искренность.



**Рис. 4.** Его Святейшество Далай-лама XIV в окружении паломников из Калмыкии. Бодхгайя, 2018 г. (фото из архива автора)

А так получилось, что я закрутился, и мне попало место, с которого я не видел Его Святейшества, и встал со стороны, где стояли военные. Я подошел, они меня не стали трогать, с этой стороны стояли только военные и я. А все остальные люди стояли с другой стороны. Его Святейшество прошел рядом, потом вернулся, встал напротив меня, взял меня за уши потрепал, а потом за щеки потрепал. Потом коснулся моей головы и пошел (ПМА 2: Д.М.).

В Бодхгайе, благодаря ламам, Тэло Тулку Ринпоче и Хонгору Бадмаевичу, мы зашли на аудиенцию с Его Святейшеством, очень много нас было. Ламы нас просили не дотрагиваться, если он сам только не дотронется. Конечно, все ринулись в первый ряд. Я не успел в первый ряд. У меня мысль такая была, если он проходить будет, я сам дотронусь. Почему-то желание было просто дотронуться до его одежды. Передо мной, между первым и вторым рядом, встала бабушка, и я уступил ей место и отошел в третий ряд. И Далай-лама шел к нам. Я стоял в третьем ряду с краю, и он остановился. Он не дотронулся ни до первых, ни до вторых, он, минуя эти два ряда, дотронулся до меня. У меня было такое ощущение: хотелось петь, танцевать, радоваться. Он дотронулся и дальше пошел. Я судьбе благодарен, что и сейчас в паломничестве нахожусь и что у меня есть гуру Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьяцо (ПМА 1: С.Г.).

Так как Его Святейшество дарует учения не только в Индии, но и в Европе, и в США, те, у кого есть финансовая возможность, посещают и их. С другой стороны, Индия становилась плацдармом, с которого можно было попасть в соседние буддийские страны, совмещая паломнические практики с туристическими.

У нас же из России безвизовые для россиян страны далеко. Мы в Индию прилетаем, а все соседние страны безвизовые: Непал, Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка, Вьетнам, Камбоджа — все буддийские. Мы ездим по священным местам. Шри-Ланка для меня лучшая, сказочная страна. Там средний перепад температуры годовой четыре градуса: летом 32, зимой 28. Там храм зуба Будды (ПМА 2: Э.Б.).

Мы ездили в Индию с 2005 г., но в последние 3 года не ездим, все время в Ригу. А вообще-то мы ездили на лекции Его Святейшества в Америку: в Нью-Йорк, потом в Вашингтон, потом в Филадельфию. Мы ездили в Венгрию, в Италию. В конце концов, мы вместе с Толиком и Сашей — мы четвером всегда ездили — и говорим: Далай-лама нам открыл мир. Во-первых, визы давались всегда. Все объездили: Индия, Непал, Шри-Ланка, Таиланд, Камбоджа (ПМА 2: В.Б.).

Для многих калмыцких верующих важным этапом в становлении их как буддистов было посещение Бурятии, особенно после 2002 г., когда в Иволгинском дацане стали выставлять нетленное тело Хамбо-ламы Даши Дорджи Итигэлова, которого буддисты продолжают считать живым, “он в любой момент может выйти из самадхи и вернуться в тело” (*Жуковская* 2013: 271). Как отметил в 2009 г. Кирсан Илюмжинов, глава РК (1993–2005): многие калмыки хотели бы помолиться нетленному телу Итигэлова, но не могут позволить себе проехать тысячи миль. Поэтому Илюмжинов просил привезти тело Итигэлова в Элисту на празднование 400-летия добровольного присоединения Калмыкии к России. Тем не менее сангха вежливо отказала ему в этой просьбе, и это решение местная газета едко прокомментировала заголовком “Невыездной Итигэлов” (*Bernstein* 2013: 74). Однако те, кто очень хотел поклониться нетленному телу ламы, поехали в Бурятию. Очевидно, что следующим маршрутом после Индии (к Далай-ламе) для калмыцких паломников становится Иволгинский дацан, в первую очередь потому, что именно там находится нетленное тело Хамбо-ламы Даши Дорджи Итигэлова, которое воспринимается многими как “научно доказанное чудо” (*Quijada* 2012: 148; *Большаков* 2015).

Поездка в Иволгинский дацан — тоже паломничество, потому что это тоже знаковое место. Там реально находится человек, который достиг нетленного состояния (ПМА 2: В.Б.).

Один раз посмотрел в небо, душа потянула именно в Бурятию, к Хамбо-ламе Итигэлову. Приехал туда, я почувствовал что-то такое, это словами не передать. Дотронулся до самого Хамбо-ламы. Сделал простирания. По приезду домой продолжал выпивать, правда, уже не до такой степени, выпивал и сразу домой... Третий раз моя поездка была в Иволгинский дацан, остался там. Жил с монахами, питался там же и помогал строить, подсобником, большой дацан. Я был там около месяца (ПМА 1: С.Г.).

Сестра моя двоюродная была недовольна: “Что ты без конца туда [в Индию] мотаешься?” И только сейчас она стала с уважением к этому относиться, потому что она сама съездила в Бурятию. Сама начала ходить в хурул (ПМА 2: Э.Б.).

**Чудеса как спутники паломничества.** Практически все нарративы о паломничестве показывают путь к вере, в котором все неординарно, и ключевое слово в этих повествованиях — “чудо”. Чудо как отражение веры в сверхъестественное в некоторых дискурсах — критерий религиозности (*Гучинова* 2020: 176). Паломничество всегда было связано с чудом, о чем свидетельствует устная традиция.

По этому поводу расскажу одну быль. Расскажу на русском языке. Кезяна баяж (когда-то давно) одного старика послали от всего рода в Тибет помолиться. Но он чувствовал, что поскольку он старый, он не дойдет до Тибета. Он взял с собой бедного молодого парня, чтобы дойти. Видать, он был зажиточным человеком. Когда оставалось немного уже пути, старик тяжело заболел. И он решил, что он уже не дойдет. И он сказал парню, сопровождавшему его: “Я уже не дойду, силы покидают меня. Вот тебе бярцг — две золотые монеты, что у меня есть. Дойди до Лхасы, помолись. И если тебе удастся попасть к Далай-ламе, попроси бурхн<sup>8</sup> для нашего рода, чтобы отвезти к себе домой”. Парень согласился. Старик остался, молодой парень дальше пошел. Он дошел до Лхасы. От чудесного красивого города, большого количества монахов, обрядов парню вскружило голову, и он забыл просьбу старика. Монеты бярцг отдал, а бурхн попросить забыл. И пошел обратно по тому же пути домой. Когда дошел до того места, где оставил старика, он вдруг вспомнил про его просьбу. Начал думать, что делать. Нашел хуршн — экскременты верблюда, завернул его в чистую белую тряпку. Пришел к тому месту, где оставался старик, он еще был живой. На его вопросы он ответил, что дошел до Лхасы, помолился, что все хорошо прошло. На вопрос старика: “Ты самую главную просьбу выполнил? Взял бурхн для нашего рода, чтобы отвезти в степь домой?” Парень ответил: “Да-да”. Показал на завернутую тряпицу. Старик успокоился, помолился, ему стало так хорошо. Он стал лучше себя чувствовать, они даже пошли в обратный путь. Они оба вернулись домой. Дома все рассказали, как было, что старик заболел в середине пути и что парень дошел. Когда начали разворачивать тряпицу, в которой были верблюжьи экскременты вместо бурхн, там оказался золотой бурхн. Вот такова сила веры, что простые экскременты животного превратились в золотой бурхн (ПМА 2: Д.М.).

Почти все паломники рассказывали мне о своем опыте встречи с чудесным: многие наблюдали после службы Его Святейшества полеты четырех-пяти орлов над резиденцией Далай-ламы в Дхарамсале (хотя орлы — это не стайные птицы) или одновременно на небе видели радугу и солнце. Я не раз слышала истории, как паломница попросила у дерева Бодхи листочек, и вдруг листочек с этого дерева подлетел к ней — прямо к ногам (ПМА 2: Л.М). Чтобы не возникло ощущения, что все это лишь воображение женщин, которые “по своей природе более эмоциональны”, ниже я привожу рассказы мужчин об их встрече с чудесным. Личное переживание благодати зависит от психологического типа человека, его образования, возраста и многих других факторов, но все-таки у каждого рассказчика — свои чудеса.

Июль месяц был, я поехал в Иволгинский дацан, опять же дотронулся, делал простирая и просил у Хамбо-ламы Итигэлова семью, детей, чтобы неприятности, преграды ушли с дороги. Но что я увидел? Хамбо-лама глаза открыл. Еще он мне кивнул головой. Для меня это было потрясение, знак. Приехал домой, вообще водку не пил, пил немного, если у кого-то день рождения, свадьба, Новый год, но не более (ПМА 1: С.Г.).

В последние разы я был на конференции с учеными. Я там занимал всегда одно и то же место. Примерно так же, как мы с Вами сидим — напротив друг друга. Там было очень жарко. Но когда сидишь рядом с Его Святейшеством, обдает прохладой, холодом, как будто сидишь рядом с кондиционером. Ощущается такая свежесть. Интересно так (ПМА: 2 Д.М.).

Под чудесами рассказчики понимают явления, которые не могут объяснить рационально. Но нередко как чудо человек воспринимает легкую реализацию желаний или потребностей, порой даже плохо осознаваемых или невербализованных, но позже оцененных как необходимые. “Астролог в начале моего паломничества и оракул за пару дней до отъезда называют одно и то же божество, мало того — как будто мои мысли были услышаны: я все время думала — мне тоже нужен Амиताюс, и я получаю Амитаюса в белой его ипостаси из рук досточтимого оракула Гадонга Кутен Тензин Вангдака... Чудо” (цит. по: *Гучинова* 2020: 167).

Если чудо как личное переживание благодати мы фиксируем в нарративах о паломничестве именно там, в святом месте, то некоторые особо священные предметы могут творить чудеса, будучи доставленными из святых мест в профанные. Ниже история об одежде Далай-ламы, которую привезли для недавно построенного хурула.

Произошла такая история. Эту одежду попросила моя родственница, у которой отказали ноги после инсульта. Она передвигалась в инвалидной коляске. За ней ухаживали муж с сыном. Она услышала, что я привез одежду Его Святейшества и попросила поддержать в доме на одну ночь эту одежду. Вот, что она мне рассказала: под ними живет таксист, он ночью приехал домой и стучит к нам в дверь со словами “У вас пожар! Открывайте двери!” На наш вопрос “Что же случилось?”, — он ответил: “У вас в окне все полыхает!” Мы ему ответили, что у нас ничего не полыхает, не горит. Зайди, посмотри. Он зашел, посмотрел, действительно ничего не горело. В тот день мы делали подношение, зул (лампаду) эргяд, но зул уже не горел. Он ушел, дома чай попил и собрался снова на работу. Выходит из дома, а у соседей опять все полыхает. Опять стучит и говорит: “Опять у вас горит все в окне! С улицы все полыхает, как будто пожар”. Зашли опять вместе, ничего не горело. Через неделю после этого она встала на ноги и пошла. Сейчас ее не догонишь, она бегает, а не ходит. А до этого она полгода не вставала, передвигалась только на коляске. Даже в туалет самостоятельно ходить не могла, в больнице лежала, лечилась. Думали, что она вообще никогда не встанет. Говорят же, что сила веры есть (ПМА 2: Д.М.).

Истории о чудесном излечении — самые распространенные.

В группе, направлявшейся в Тибет из Индии, была Наташа из Цаган-Амана. Она повредила ногу перед самой поездкой, и ей наложили гипс. В дороге Наташа передвигалась на коляске, ходить могла только с костылем. С ней произошла история, напоминающая известный эпизод из советской кинокомедии “Праздник святого Йоргена”. В тибетском монастыре Драк Йерпа ее подозвал к себе Ринпоче. “Прочитав молитву, он велел отбросить костыль и снять гипс. Затем снял свои башмаки, протянул их ей и велел обуть. Наташа вся в слезах от счастья, обутая в добротные коричневые башмаки, на два размера больше собственных, вышла из храма без костыля и гипса. Все были в шоке” (*Дишлврин Окн* 2015: 42).

Чудо как переживание благодати (как мы видим из нарративов) иногда может случиться и с неверующим человеком, и в определенных обстоятельствах оно становится “знаком” того, что он на верном пути.

...перед поездкой я заболела. 1 мая нам улетать, а за сутки у меня начинается “синдром пылающего языка”. У меня “горит” язык, я не могла есть, по лицу пошли темные пятна. Начали воспаляться уголки губ, образовались язвы. Это теперь я понимаю, что начались препятствия, шла проверка на мою готовность. Мы поехали к стоматологу, и мне сказали, что это последствия стресса и надо принимать антидепрессанты. Возник вопрос: надо ли ехать? Я запаслась мазями и приняла твердое решение ехать... Мы вылетаем в Индию. У меня за плечами только рюкзачок. Кема нас встречает в Дели. Все мне не нравится, начиная с воздуха... Выходим в Дхарамсале. Жара, навоз, запахи... Опять мне все не нравится, кроме чудесных, сияющих чистотой снежных вершин. Кема чувствует мое состояние, спокойно говорит: “Не переживай. Обещаю, что пройду сутки, и ты ничего этого замечать не будешь. Мы сейчас поднимемся в Верхнюю Дхарамсалу, там прохладнее”. Едем на такси вверх по жуткой дороге, заселяемся в скромную гостиницу. И прежде всего мы идем к храму Далай-ламы. Там я, до сих пор находясь в сомнениях, куда-то в небеса глядя, обращаюсь вслух к кому-то: “Пожалуйста, если это все работает, покажите мне чудо с точки зрения мирянина. Я сама хочу в это поверить, но мне так трудно, пожалуйста!” <...> Утром я проснулась, вижу — опять Кема и Ира читают мантры. Они просыпались в 5 утра. Я продолжаю мыслить негативно. И вдруг кто-то из них мне говорит: “Ты видела себя в зеркале? Посмотри”. Я взглянула — никаких язв и пятен на лице,

никакого синдрома “пылающего языка”. Все куда-то ушло. Я задала вопрос: “Что произошло?” Получила невозмутимый ответ: “Ты же просила вчера о чуде? Вот и получила. Ты должна понимать, что Дхарамсала по периметру защищена присутствием Далай-ламы. Здесь нет негатива. Твоя просьба исполнилась”. Я получила это маленькое чудо (Гучинова 2020: 163).

Если “секуляризация – постоянный живой процесс переопределения воображаемых границ между секулярным и сакральным в повседневной жизни, а также в сфере политического дискурса и праксиса” (Asad 2003: 32), то вера в чудеса – один из кирпичиков условной границы, которая отделяет верующих буддистов от тех, кто воспринимает буддизм только как культурную традицию (Гучинова 2020: 176).

Закончу список чудес своим аутентичным опытом. На обратном 12-часовом пути автобусом из Дхарамсалы в Дели у меня разболелась нога, впервые возникла проблема с сосудами, но каким-то чудесным образом меня с билетом эконом-класса посадили в салон бизнес-класса, где я могла лежать; нога перестала меня беспокоить. Но все-таки чудом – встречей с собой настоящей – я считаю состояние благодати, которое сохранялось во мне после паломничества примерно два с половиной месяца. Я жила, не чувствуя ни гнева, ни раздражения. Такого длительного периода позитивного настроения (или отсутствия негативного) в моей жизни еще не было, и теперь мне хочется думать, что настоящая я – именно такая.

Мягкое воспитательное воздействие временного коллектива в религиозной поездке, привлекательность людей, стремящихся к развитию сострадания – бодхичитте, иной ритм жизни, атмосфера, насыщенная добротой и духом взаимопомощи, окружающее местное общество, в котором люди часто бедны, но счастливы, а также ритуальные усилия (подача списков и фотографий родственников), которые дают основания паломнику считать, что он выполняет свой семейный долг. Все это вкуче создает особую позитивную социальность, привлекательную и отвечающую запросам современного человека, который не приемлет давления авторитетов, но стремится к личностному росту.

Специфика современного калмыцкого паломничества в том, что, благодаря работе сангхи Центрального хурула и Тэло Тулку Ринпоче, это организованное паломничество, несмотря на порой большие группы (600 чел.). Монахи и актив хурула мобилизуют лучшее, что есть в человеческой природе, чтобы сострадание не покидало ум и душу паломника. Они проводят благотворительные акции, дополнительные занятия по буддизму для желающих. Временный коллектив организуется и маркерами в одежде, и социальными сетями, при этом общение в группе доброжелательное, и паломник не чувствует никакого внешнего давления. Демократичность в выборе личных форм религиозности привлекает, позволяя паломникам искать индивидуальный путь к счастью и буддийскому благодестию.

Регулярные поездки калмыцких паломников к Далай-ламе как к духовному лидеру и “живому богу” становятся своего рода продолжением дипломатических визитов иерархов Калмыцкого ханства XVIII в., когда именно Далай-лама утверждал калмыцких ханов на троне. Не случайно первый и второй президенты РК (главы РК) нанесли визиты в Дхарамсалу, чтобы, будучи лидерами республики с буддийским титульным населением, получить благословение. Буддизм и Далай-лама как духовный лидер буддистов объединяют людей разных культур в их стремлении к состраданию.

### Примечания

<sup>1</sup> Желтый цвет – ведущий цвет буддийской школы Гелуг (Жуковская 2002: 212). В народных представлениях “желтая вера” (буддизм) противопоставлялась “черной вере” (шаманизму).

<sup>2</sup> См.: Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. (отв. ред.) Дилова-хутухта Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы / Пер. с англ. Е.В. Гордиенко. М.: Фонд “Сохраним Тибет”, 2018.

<sup>3</sup> Хурул – буддийский храм (калм.).

<sup>4</sup> Монашеская община хурула.

<sup>5</sup> Цог – практика традиции Ваджраяны, связанная с подношениями и очищением.

<sup>6</sup> Хадак – белый (иногда голубой, зеленый) шелковый шарф, материальное воплощение благопожелания.

<sup>7</sup> Здесь, видимо, имеются в виду особые тантрические практики.

<sup>8</sup> Здесь небольшая скульптура Будды для домашнего алтаря.

### *Источники и материалы*

Диилврин Окн 2015 – Диилврин Окн. А я пойду к тебе, в Тибет. Элиста, 2015.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Дхарамсалу (Индия, шт. Химачал Прадеш), 2019 г.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Элисту (Калмыкия), 2019 г.

### *Научная литература*

Бакаева Э.П., Жуковская Н.Л. (отв. ред.) Калмыки. М.: Наука, 2010.

Большаков Б.Е. Феномен Итигэлова и проблема исследования фундаментальных и прикладных свойств Пространства–Времени. Ч. I.: Феномен Итигэлова и философско-методологическая постановка проблемы // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 75–85.

Гучинова Э.-Б.М. Паломничество как путь к вере: опыт социального конструирования религиозности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 154–178.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура, традиции, символика. М.: Восточная литература, 2002.

Жуковская Н.Л. Буддизм и буддисты. М.: Ориенталия, 2013.

Кормина Ж. Паломники: этнографические очерки православного номадизма. М: Издательский Дом ВШЭ, 2019.

Кормина Ж., Штырков С. “Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться”: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.

Штырков С.А. “Эти три пирога, эта чаша... можно сказать, литургия!”: интерпретация народной традиции как “внутренняя миссия” Русской православной церкви в Северной Осетии – Алании // Горы и границы / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 295–335.

Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.

Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Bernstein A. Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism. Chicago: University of Chicago Press, 2013.

Quijada J.B. Soviet Science and Post-Soviet Faith: Etigelov’s Imperishable Body // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. No. 1. P. 138–154.

Turner E., Turner V. Image and Pilgrimage in Christian Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1978.

### **Research Article**

Guchinova, E.-B.M. With a Red Brush and Yellow Tie: On Specificities of the Kalmyk Pilgrimage [S krasnoi kist’iu i zhelytm galstukom: o spetsifike kalmytskogo palomnichestva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 2, pp. 32–46. <https://doi.org/10.31857/S086954150009603-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

**Elza-Bair Guchinova** | <https://orcid.org/0000-0002-9901-0131> | [bairjan@mail.ru](mailto:bairjan@mail.ru) | Kalmyk Scientific Center of the RAS (8 Ilishkin St., Elista, 358000, Russia)

### Keywords

Buddhism, pilgrimage, traditionalism, Dalai Lama, Kalmykia, post-secular Russia, routes, miracles

### Abstract

The article draws on field research to demonstrate the specificities of contemporary organization of pilgrimages in Kalmykia, which is largely defined by the local religious situation – the activities of the Sangha of the temple “The Golden Abode of the Buddha Shakyamuni” and The Chief Lama of Kalmykia Telo Toulku Rinpoche. I explore various aspects of pilgrimage, such as the routes and changes thereof, which not only reflect the political geography of the modern Buddhist world, but are also influenced by the displacement of Dalai Lama, his exile, and the mobile character of teachings given by Dalai Lama as he travels the world. I further pay attention to the experiencing of the miraculous – the aspect that highlights the religious character of mass pilgrimages and constitutes a marker of faith, as both believers and people simply interested in Buddhism alike travel to hear the teachings of Dalai Lama.

### Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [19-09-00420]

### References

- Asad, T. 2003. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Bakaeva, E.P., and N.L. Zhukovskaya, eds. 2010. *Kalmyki*. Moscow: Nauka.
- Bernstein, A. 2013. *Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bolshakov, B.E. 2015. Fenomen Itigelova i problema issledovaniia fundamental'nykh i prikladnykh svoistv Prostranstva–Vremeni. Ch. I: Fenomen Itigelova i filosofsko-metodologicheskaiia postanovka problemy [Itigelov Phenomenon and Problem of Basic and Applied Properties of Space–Time Research. P. I: Itigelov Phenomenon in the Context of Philosophical and Methodological Formulation of The Problem]. *Prostranstvo i Vremia* 3 (21): 75–85.
- Guchinova, E.-B.M. 2020. Palomnichestvo kak put' k vere: opyt sotsial'nogo konstruirovaniia religioznosti [Pilgrimage as a Path to Faith: An Essay on a Social Construction of Religiosity]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1 (38): 154–178.
- Hervieu-Léger, D. 2015. V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obshchestvakh razvitoogo moderna [In Search of Certainty: The Paradoxes of Religiosity in Modern Developed Societies]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1 (33): 254–268.
- Kormina, Zh. 2019. *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Essays on Orthodox Nomadism]. Moscow: Izdatel'skii Dom VShE.
- Kormina, Zh., and S. Shtyrkov. 2015. “Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sia”: predystoriia postsovetsoi desekuliarizatsii [“This is Our Primordial Russian, and We Cannot Do Anything about That”: The Backstory of the Post-Soviet Desecularization]. In *Izobretenie religii: desekuliarizatsiia v postsovetском kontekste* [The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context], edited by Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov, 7–45. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Uiversiteta v Sankt-Peterburge.
- Quijada, J.B. 2012. Soviet Science and Post-Soviet Faith: Etigelov's Imperishable Body. *American Ethnologist* 39 (1): 138–154.
- Shtyrkov, S.A. 2015. “Eti tri piroga, eta chasha... možno skazat', liturgiia!”: interpretatsiia narodnoi traditsii kak “vnutrennaia missiia” Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Severnoi Osetii – Alanii [“Three Cakes, a Chalice... You Could Say, Liturgy!”: Interpreting National Tradition as an “Internal Mission” of Russian Orthodox Church in North Ossetia –Alania]. In *Gory i granitsy* [Mountains and Borders], edited by Y.Y. Karpov, 295–335. St. Petersburg: MAE RAN.